
Карен Степанян

ДОСТОЕВСКИЙ И ПСАЛТИРЬ*

Тема «Достоевский и Псалтирь» огромна - и даже удивительно, что она лишь недавно привлекла внимание исследователей: укажу здесь на статьи Н. Балашова (50-й псалом в «Записках из Мертвого дома»)¹, подробный анализ роли и значения 136 псалма («На реках Вавилонских...») в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании» и в «Братьях Карамазовых» в работах О. Меерсон² и Н. Михновец³; анализируются цитаты из псалмов в книгах А. Власкина⁴ и Б. Тихомирова⁵.

Как указывают авторы коллективного труда «Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание», «в библиотеке Д. были издания Псалтири на славянском и русском языках. Известно, что омский священник о. Александр Сулоцкий в 1850 г. переслал Д. в омскую крепость Псалтирь на русском языке и журнал «Христианское чтение» за 1828 и 1847 гг. (*Летопись*. Т.1. С.182), а в 1854 г. М.М. Достоевский и А.П. Милюков по просьбе Д. послали ему в Семипалатинск Псалтирь на славянском языке (ПСС, 28(1), 459). <...> Не исключено, что в библиотеке Д. имелось также одно из стихотворных переложений псалмов, не упомянутых в *Списках* А.Г. Достоевской. В частности, это могла быть книга: Стихотворное переложение псалмов пророка и царя Давида, составляющих Псалтирь. С объяснением исторического, таинственного

* На основе доклада, прочитанного на Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» в ноябре 2005 г. в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

или нравственного смысла псалмов. — СПб.: Н.П. Шигин, 1869. — [2], 280. VIII с. Л.П. Гроссман упоминает в своих *Описаниях* 2-е издание этой книги: СПб., 1847 г. Г.Ф. Коган указывает в качестве возможных и другие, более ранние издания стихотворных переложений псалмов: М., 1812; СПб., 1863. Предположение о возможном нахождении одного из этих изданий в библиотеке Д. подкрепляется воспоминаниями внучатого племянника Д. — С.А. Иванова, на которые опирается Г.Ф. Коган. С.А. Иванов, в частности, вспоминает: “Отцу моему в наследство достались шестнадцать книг из библиотеки Достоевского. Особый интерес представляли четыре, с пометами Федора Михайловича, но они давно переданы музею. Последнее из этих четырех — «Псалмы царя Давида» — я передал московскому музею” (Иртыш (Семипалатинск). — 1981. — 25 марта). Нахождение вышеупомянутой книги в настоящее время неизвестно. Д. прекрасно знал Псалтирь, о чем свидетельствуют, в частности, парафразы, аллюзии и цитаты из псалмов в его произведениях»⁶.

Библию вообще и Ветхий Завет в частности Достоевский хорошо знал с детских лет. В его библиотеке имелась Библия на русском, и возможно, славянском языках⁷. В Библии Псалтирь следует сразу за любимой Достоевским книгой Иова. Текст, а главное, онтологические ситуации (если можно так выразиться) многих псалмов, без сомнения, присутствовали постоянно в сознании писателя, и не просто использовались в его творчестве, а прямо входили в качестве естественной составной части в тот мир, в котором существовали сам Достоевский и герои его произведений, ту «реальность в высшем смысле», которую мы учимся видеть в его романах и в его жизни.

Я ограничусь только несколькими примерами — они составляют лишь часть даже из найденного мной.

В первую очередь хотелось бы остановиться на так называемом «символе веры» Достоевского из письма Фонвизиной. Все, наверное, знают эти фразы наизусть, но все же позволю себе вновь процитировать их. «<...> Кажется, при **возврате на родину** каждому изгнаннику приходится переживать вновь, в сознании и воспоминании, все свое прошедшее горе (здесь речь идет о ситуации в жизни Фонвизиной, но, мне думается, значение этих слов много глубже, они имеют отношение к тому этапу в духовной жизни, который переживал Достоевский в этот момент; об этом пока еще не при-

ходило читать у всех тех, кто обращается к этому письму. — К.С.). Это похоже на весы, на которых свесишь и узнаешь точно настоящий вес всего того, что выстрадал, перенес, потерял, и что у нас отняли добрые люди. Но дай Вам Бог еще долгих дней! Я слышал, что Вы очень религиозны, Наталья Дмитриевна. Не потому, что Вы религиозны, но потому, что сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как “трава иссохшая”, веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких **страшных мучений** стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28, I; 176).

К первым из процитированных строк (о возвращении изгнанника **домой** и воспоминании о пережитом горе) тоже есть параллели в псалмах, но я сейчас хочу становиться на выражении «трава иссохшая». Как сказано в комментариях к тридцатитомнику (28, I; 457), оно «восходит к Библии»: указаны псалом 101: 5, 12, и Книга Исаии, 42: 15.

Псалом 101 называется «Молитва страждущего [на церковнославянском языке — “нищаго”⁸], когда он унывает и изливает перед Господом печаль свою» и начинается он так: «Господи! Услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня, в день скорби моей приклони ухо Твое; в день, когда воззову к Тебе, скоро услышь меня. Ибо исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня. Сердце мое поражено и иссохло, как трава [“уязвен бых яко трава, и изсше сердце мое” — 177], так что я забываю есть хлеб мой». И далее говорится о муках, претерпеваемых «от гнева Твоего и негодования Твоего: ибо Ты вознес меня и низверг меня. Дни мои — как уклоняющаяся тень;

и я иссох, как трава [“аз яко сено изсох” — 178]. Ты же, Господи, вовек пребываешь, и память о Тебе в род и в род». И далее высказана вера в том, что Господь «явится в славе Своей; призрит на молитвы беспомощных, и не презрит моления их. Напишется о сем для рода последующего, и поколение грядущее восхвалит Господа» [“люди зиждимые восхвалят Господа” — 178], Который пришел, чтобы «разрешить сынов смерти. Дабы возвещали на Сионе имя Господне и хвалу Его в Иерусалиме, когда соберутся народы вместе и царства для служения Господу». И еще в самом конце высказана мольба: «Боже мой! Не восхить меня в половине дней моих». Когда писалось письмо Фонвизиной, Достоевскому было тридцать два года — он прожил чуть больше половины отмеренного ему на земле срока. Заканчивается псалом словами, повторенными в Послании апостола Павла к Евреям (1: 10-12) и читаемыми обычно в церквях на Рождество: «В начале Ты основал землю, и небеса — дело Твоих рук. Они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, — и изменятся. Но Ты — тот же, и лета Твои не кончатся. Сыны рабов Твоих будут жить, и семя их утвердится пред лицом Твоим [“Сынове раб Твоих вселятся, и семя их во век исправится” — 179] ».

Именно состояние уныния, иссякновения веры и опустошения сердца переживает в момент написания письма Фонвизиной (сразу после выхода из каторги) Достоевский, именно в этом состоянии сложил он для себя «символ веры»; но «в несчастье яснее истина» — и истина эта, в числе прочего, в том, что Христос действительно может быть «вне истины». Трагические события, происшедшие в ту пору в семье Фонвизиной (см. об этом в статье Л. Сараскиной в этом номере альманаха), то значение, которое имела эта женщина в жизни Достоевского (именно она подарила ему Евангелие, спасшее его на каторге), переломный, кризисный момент в жизни, переживаемый самим Достоевским, не позволяют отнестись и к самому письму, и к этим ключевым его строкам как к банальному отрицанию плоского позитивистского мировидения.

В своей недавней (в соавторстве с З. Миркиной) книге «В тени Вавилонской башни» Г. Померанц утверждает, что следует со всей серьезностью отнестись к созданному Достоевским в письме к Фонвизиной «новому символу веры». Иначе, безусловно, нельзя. Но далее он пишет: «Новые символы веры рождаются из сомнения в старых символах, как Афродита из пены. Все символы

веры рождаются из чувства бездны, ставшего чувством света. Это слова, от которых раскрылись крылья и вознесли над бездной одного единственного затерянного человека (двусмысленный образ, напоминающий о конце Иуды. — *К.С.*), а потом уже традиция»⁹.

В данном случае создать новый символ веры, усомнившись в «прежнем», — значит, усомниться в православном Никео-Цареградском символе веры: в Бога Отца, в Единородного Ему Бога Сына — Иисуса Христа, Света от Света, «нас ради человек» во-человечевшегося, претерпевшего крестную муку, погребенного, и воскресшего, вознесшегося на небо и сидящего одесную Отца, и в Святого Духа, дающего людям знание об этом. Я не буду сейчас говорить подробно об эволюции мировоззрения Достоевского, которое привело его к формированию такого символа веры, в котором Христос *может быть* вне истины, в последнее время подобный анализ был проведен Б. Тихомировым, Т. Касаткиной, В. Захаровым и вашим покорным слугой. Вкратце суть здесь заключается в разделении между «главным Богом» (отождествляемым с Демиургом), и Христом (это не гностицизм, или искаженный, «упрощенный» гностицизм, или — скорее всего, некое древнее, пока еще мало-известное еретическое учение). Христос тогда предстает великой личностью, явившейся исправить созданный «в насмешку» мир, но, поскольку не обладает божественной силой и знанием, может оказаться и проигравшим (как говорит великий инквизитор Христу в черновиках к «Братьям Карамазовым»: «Блудница. Пусть разорвут (имеются в виду строки из Апокалипсиса о том, что десять рогов — десять царей разорвут, разорят и съедят плоть блудницы — Вавилона. — *К.С.*), но Ты не имеешь права. А за мной истина — и тогда разорви, если сможешь» (15; 233). Скажу еще, что только такое миропонимание может привести честного человека к идее революционного передела мира: ибо если мир создан благим и любящим людей Богом, любовь и попечение Которого о Своем создании пребывает вечно — то задача человека может быть лишь в том, чтобы ответить на эту любовь и, может быть, обратиться к Богу кого-то из ближних. Но если мир создан «в насмешку» злым и презирающим людей Демиургом — тогда, действительно, можно попытаться «вместе со Христом» изменить это. Думаю, что именно такое миропонимание привело Достоевского к петрашевцам, а затем и в самую радикальную его часть, в кружок Дурова-Спешнева, где планировались активные революционные действия и разрушение

«всяких религиозных чувств, которые они сами из себя уже совершенно изгнали», ибо «религия препятствует развитию человеческого ума, а потому и счастья»¹⁰.

В докаторжный, «петербургский» период своей жизни Достоевский, по собственному признанию, под влиянием всякого рода «передовых» теорий «утратил было Христа» (26; 152, ответ А. Градовскому). Эта утрата Христа, на мой взгляд, явственна и в знаменитом его видении на Неве однажды в зимний январский вечер, описанном в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе», когда он увидел «какие-то странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники, и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал предо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и все хохотал!» (19; 69-71). В отличие от многих исследователей, трактующих это как свидетельство перехода от сентиментально-романтического к реалистическому или социально-критическому восприятию мира, я вижу тут воплотившееся в зримой форме ощущение онтологической *реальности* и верховного главенства зла в мире. Именно в это время молодой Достоевский оказался чрезвычайно вознесен (после успеха «Бедных людей»), а затем низвергнут Господом (сначала в литературном общественном мнении, а потом и в более существенном смысле: его участие в петрашевском и дуровском кружках, попадание в зависимость от Спешнева, испытываемое им в ту пору состояние «мистического ужаса» (описанное затем в романе «Униженные и оскорбленные» — 3; 208; впервые сопоставил это состояние героя романа и происходившее с самим Достоевским К. Мочульский¹¹), затем арест, каземат, испытание казнью и каторга).

На каторге произошла «перемена убеждений», но к подлинному православному миропониманию он, как свидетельствует *и письмо Фонвизиной, и его творчество 50-х — начала 60-х годов* (например, «Дядюшкин сон», где слово вообще перестает связывать людей друг с другом — нет ни одного персонажа, который говорил бы правду, и где зло спародированы сюжеты наиболее известных к тому времени произведений русской литературы начала XIX века), пришел не сразу.

Это состояние может быть названо **богооставленностью**. И не случайно выражение «сила моя иссохла, как черепок» встречается

еще в псалме 21, являющимся предображением распятия Христа («Все, видящие меня, ругаются надо мною; говорят устами, кивая головою: “Он уповал на Господа, - пусть избавит его; пусть спасет, если он угоден Ему” [“Вси видящии мя поругаша ми ся, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавит его, да спасет его, яко хочет его” — 42]»); «делят ризы мои между собой и об одежде моей бросают жребий») и открывающимся будущими словами Христа на кресте: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?» — и далее в этом псалме: «Далеки от спасения моего слова вопля моего [«Далече от спасения моего словеса грехопадений моих» — 41]. Боже мой! Я вопию днем — и ты не внемлешь мне, ночью — и нет мне успокоения [“и не в безумие мне” — 41]»; «от чрева матери моей Ты — Бог мой. Не удаляйся от меня; ибо скорбь близка, а помощника нет. Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня [“яко скорбь близ, яко несть помогаяй ми. Обыдоша мя тельцы мнози, юнцы тучнии одержаша мя” — 42]»; «сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани мой и Ты свел меня к **персти смертной** [«изсше яко скудель крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему, и в персть смерти свел мя еси» - 42]». Вспомним ответ Спешнева на вопрос Достоевского на Семеновском плацу: «Мы будем вместе со Христом?» — «Горстью праха»¹². Не случайно, по свидетельству одного из современных старцев (преподобного Лаврентия (Проскура)), именно исповедание Христа Сыном Божиим будет наиболее невыносимо для будущего Антихриста¹³.

Об эволюции мировоззрения Достоевского сейчас не буду говорить подробно¹⁴. Скажу лишь, что только когда он сумел увидеть в каждом человеке образ Божий (как сказано в 81-ом псалме от лица Господа: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы»), он тем самым уверился окончательно, что Христос есть Бог, есть Сын Божий, «пришедый на землю грешных спасти» (из молитвы перед Причащением Святых и Животворящих Таин).

Христос в Евангелии от Иоанна, после того, как говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь», добавляет: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (14: 6, 7). Познав в результате своего жизненного духовного подвига Христа как Сына Бога-Отца, Достоевский сумел постичь истинное устройство мироздания и воссоздать его в своих романах.

И не случайно в последнем из этих романов — «Братья Карама-

зовы» — столь важное место занимает догмат о Пресвятой Троице и столь настойчиво — в разной форме упоминается о Святом Духе. В этом романе Достоевский отвечает на «символ веры» современного ему и будущего богохульства (письмо Победоносцеву от 19 мая 1879 г. — 30, I; 66): Иван ведь в беседе с Алешей произносит свой монолог после самому себе заданного вопроса «Како веруеши?» — а это вопрос из чина архиерейского посвящения, в ответ на который посвящаемый читает Символ веры (15; 550). Отвечает Достоевский исповеданием догмата о Пресвятой Троице¹⁵.

Замечательный русский богослов и искусствовед Л. Успенский писал: ответ на вопрос Пилата: «Что есть истина?» — дан «лишь в Церкви, именно в апостольском кругу Спаситель открыл Своим ученикам: “Аз есмь Истина” (Ин. 14: 6). Истина отвечает на вопрос не ЧТО, а КТО»¹⁶. Мог ли Достоевский не вспомнить о своем письме Фонвизиной, когда записывал в черновиках к «Братьям Карамазовым» слова Зосимы о будущем прощении грешников: «Простит и Пилата высокоумного, об истине думавшего, ибо не ведал, что говорил. Что есть Истина? А она-то стояла перед ним, сама Истина» (15; 249).

В православной литургии за исповеданием Символа веры и поклонением Троице Единосущней и Нераздельней следует возглас хора: «Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне. Осанна в вышних». После завершения «Братьев Карамазовых» Достоевский писал: «Через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла» (27; 86). Многие исследователи делают здесь акцент на словах «горнило сомнений». Мне же представляется главным словом в этой фразе — «прошла». «Братья Карамазовы» и стали осанной Достоевского.

Кончается 21 псалом так: «Буду возвещать имя Твое братьям моим, посреди собрания восхваляю Тебя <...> потомство мое будет служить Ему и будет называться Господним вовек. Придут и будут возвещать правду Его людям, что сотворил Господь» — ср.: «хотя [я] и неизвестен русскому народу нынешнему, но буду известен будущему» (27; 65). Вспомним еще раз и строки из 101 псалма: «Напишется о сем для рода последующего, и поколение грядущее восхвалит Господа», а также следующие за тем строки: «Когда соберутся народы вместе и царства для служения Господу» — и сравним с такими известными словами Достоевского из последнего выпуска «Дневника писателя»: «Я говорю про неустанную жажду

в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. <...> Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов **всесветным** единением во имя Христово. <...> Я <...> говорю <...> о чаянии им и зиждущейся в нем, судьбами Божьими, его Церкви **вселенской**» (27; 19).

Следующий псалом, на который я хотел бы обратить внимание, — 13-й, его первые строки: «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога” [“Рече безумен в сердце своем: несть Бог” - 28]». Здесь важен один из главных принципов христианской антропологии и антропологии Достоевского — «главный ум» человека заключается в сердце. Вспомним слова из Евангелия от Луки: когда апостолы, увидев воскресшего Иисуса, «смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа», Христос сказал им: «что смущаетесь и для чего **такие мысли входят в сердца ваши?**» (24:38). О схождении ума в сердце применительно к героям Достоевского писал в свое время Р. Плетнев (взявший для заглавия своей статьи строки из 89 псалма «Сердцем мудрые») ¹⁷, сравнительно недавно — Н. Ашимбаева ¹⁸. Ум же, оторвавшийся от Бога (подвигнутый к тому предавшим Бога сердцем), есть прямой путь в ад. В черновиках к «Бесам» Достоевский прямо говорит об этом:

«Апокалипсис.

— Сообразить, что значит зверь, как не мир, оставивший веру; ум, оставшийся на себя одного, отвергший, на основании науки, возможность непосредственного сношения с Богом, возможность откровения и **чуда появления Бога на земле**» (11; 186).

Здесь можно вспомнить еще строки из письма молодого Достоевского брату: «Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. <...>. Ум — способность материальная... душа же, или дух, живет мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — оружие, машина, движимая огнем душевным. <...> Ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от *чувства*, следовательно, от *сердца*. Ежели цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле *сердцу*...» (28, I; 53–54); можно вспомнить и слова из финала «Записок из подполья» (слова эти можно считать намеком на ту запрещенную цензурой концовку этого произведения, где Достоевский, по его свидетельству, «вывел <...> из всего этого <...>

потребность веры и Христа» — 5; 375): «Хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца — полного, правильного сознания не будет» (5; 122).

Еще одна тема, проходящая через все позднее творчество Достоевского — тема антропофагии — тоже присутствует в 13-ом псалме: «Неужели не вразумятся все, делающие беззаконие, съедающие народ Мой, как едят хлеб, и не призывающие Господа?» (почти о том же — в псалме 52, тоже открываемся словами: «Рече безумен в сердце своем: “несть Бог”»). То есть отказ от Бога приводит к тому, что начинают *есть людей* (вспомним сон Раскольникова, где люди «кусали и ели друг друга» — 6; 420). Можно даже провести такую оппозицию: человек, устремившийся к Богу, питающийся хлебом духовным через причастие Тела Христова, исповедующий Христа Сыном Божиим (ибо, как сказано в Евангелии от Иоанна: «Хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» — 6: 33) — и тот (или те), чьи интересы устремлены к земному (и тогда он становится антропофагом, пожирая окружающих, в прямом и переносном смысле, порой сливающихся, крайняя степень здесь — развратники и революционеры). Своеобразная точка пересечения этих двух линий — в романе «Идиот» (не случайно здесь столь сильна тема антропофагии), где хриstopодобного Мышкина съедают окружающие, надеясь спастись таким псевдопричастием, но *для тех, кто действует так*, это оказывается хлеб не к жизни, а к смерти, и пустая оболочка Мышкина зависает в конце между небом и землей в горах Швейцарии¹⁹.

Далее — псалом 84: «Так, близко к боящимся Его спасение Его, чтобы обитала слава в земле нашей! Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются. Истина возникнет из земли, и правда приникнет с Небес («Истина от земли возсия, и правда с Небесе прииче» — с.150); И Господь даст благо, и земля наша даст плод свой. Правда пойдет пред Ним и поставит на путь стопы свои». О соотношении правды и истины в творчестве Достоевского писали многие исследователи (так, Н. Арутюнова считает, что под словом «истина» Достоевский подразумевал идеал жизненного устройства и богоподобный образ в каждом человеке, «прообраз человека»²⁰, а С. Семенова утверждает, что «правда» у Достоевского есть синоним блага, высшего идеала и стоит *над* истиной; «истина» при этом — то, что есть на самом деле, истина — «только путь к благу»²¹). Вопрос этот очень важен хотя бы в свете понимания письма

Н.Д. Фонвизиной. Калининградский исследователь Н. Тареева, анализируя значение этих слов в «Преступлении и наказании», утверждает, что *правда* в высшем значении приобщает человека к Богу, подразумевает в человеческой природе родство с природой божественной, правда — духовный закон, воплощенный в жизни. *Божья правда* — духовный закон бытия; но при этом правда может быть и синонимом по-земному понятой справедливости, так у Катерины Ивановны; в низшем значении — это «экономическая правда» Лужина. В кульминационном моменте исповеди Раскольникова Соне он утверждает, что все искренно сказал ей, *правду* — на что Соня отвечает: «Да какая же это правда! О Господи!» (6; 320)²².

Уже из этих примеров, на мой взгляд, явствует, что «правда» у Достоевского — понятие более узкое, чем истина: для своего правильного понимания оно требует дополнительного определения; истина же практически всегда отсылает к Христу. Истина явлена во Христе, и горе людям, если каждый человек решит о себе, что «в нем в одном и заключается истина» (6; 420) — как в кошмарном сне Раскольникова на каторге.

Возвратимся к псалму 84 — спасение настанет тогда, когда произойдет слияние земного с небесным, но при этом истина проявится в земном бытии, а правда будет именно божественной: «истина возникнет с земли, и правда приникнет с Небес», «правда и мир облобызаются». Вспомним и такие слова псалма: «милость и истина сретятся». В мире Достоевского, как это и есть в действительности, закон *земной справедливости* исчезает с появлением Христа: *каждый* может быть спасен, и одновременно каждый за всех и за все виноват.

Отмечу еще, что как будто о русской революции — и близко к пониманию ее Достоевским — говорится в псалме 105: «смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, *которые* были для них сетью, приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; Проливали кровь невинную, кровь сыновей и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, и осквернилась земля кровью [«и убиена бысть земля их кровьюми» — 191]; оскверняли себя делами своими, блудодействовали поступками своими. И воспылал гнев Господа на народ Его, возгнушался Он народом Своим». Заканчивается этот псалом молитвою ко Господу о спасении, надеждою на Его бесконечную милость и словами: «И рекут все людие: буди, буди!» («Псалтирь»,

с.192) — повторенными затем во вдохновенной речи старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

Следовало бы сказать еще о многом — например, о том, что эпиграфом и к роману «Идиот», и к роману «Бесы» можно было бы поставить слова из 145-го псалма (опять же звучащие на каждой литургии): «Не надейтесь на князей, сынов человеческих [“не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения” — 253]. Выходит дух его, и он возвращается в землю свою; в тот день исчезают *все* помышления его. Блажен, кому помощник Бог Иаковлев, у кого надежда на Господа Бога его...». Но это уже тема, надеюсь, будущих работ.

Примечания

¹ **Балашов Н.В.** Спор о русской Библии и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 13.

² **Меерсон Ольга.** Библейские интертексты у Достоевского. Кошунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. — М.: Раритет—Классика плюс, 1999. — № 12.

³ **Михновец Н.Г.** «Аще абуду тебе, Иерусалиме...» ; ее же: 136 псалом в творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2005. — Т. 17.

⁴ **Власкин А.П.** Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. — Челябинск: Челябинский гос. ун-т; Магнитогорск: изд-во МГПИ, 1994.

⁵ **Тихомиров Б.Н.** «Лазарь! гряди вон!» Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. — СПб.: Серебряный век, 2005.

⁶ Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — С.107–108. — РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

⁷ Там же. — С.104 -105.

⁸ Псалтирь. Репринтное воспроизведение издания 1913 года. Издание Свято-Введенской Оптинской пустыни. По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — Можайск, 2005. — С.177. Далее ссылки на церковнославянский оригинал приводятся по этому изданию, с указанием в тексте соответствующей страницы.

⁹ **Померанц Г., Миркина З.** В тени Вавилонской башни. — М., 2004. — С.28.

¹⁰ **Мочульский К.** Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М.: Республика, 1995. — С.279–280.

¹¹ Указ. соч. — С.245-246.

¹² Цит. по: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников : В двух томах. — М., 1990. — Т. 1. — С.12.

¹³ **(Епишев) о. Николай.** Духовно значимые художественные детали в композиции романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и Православие. — М.: ЗАО «Издательский дом “К единству!”», 2003. — С.255.

¹⁴ Мое понимание эволюции Достоевского в первой половине жизни см. в моей книге «”Сознать и сказать”»: “реализм в высшем смысле” как творческий метод Ф.М. Достоевского». — М.: Раритет, 2005. — С. 80–95.

¹⁵ См. об этом в моей статье «”Братья Карамазовы”»: лик земной и вечная истина» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. Сб. работ отечеств. и заруб. ученых под ред. Т.А. Касаткиной: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 724–731.

¹⁶ **Успенский Л.А.** Богословие иконы Православной Церкви. — М.: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. — С. 96.

¹⁷ **Плетнев Р.** «Сердцем мудрые» (О старцах у Достоевского) // О Достоевском : Сб. статей. — Paris: Amiga editions, 1986.

¹⁸ **Ашимбаева Наталья.** Особенности «сердцеведения» Достоевского // В ее кн.: Достоевский. Контекст творчества и времени. — СПб.: Серебряный век, 2005.

¹⁹ См.: **Тоичкина А.** Проблема идеала в творчестве Достоевского 1860 годов // Достоевский и мировая культура. — СПб.: Серебряный век, 1998. — № 11. — С. 29–34; **Касаткина Т.** Горизонтальный храм // Достоевский и мировая культура. — М.: Классика-плюс, 2001. — № 14. — С. 24.

²⁰ **Аругюнова Н.Д.** Язык и мир человека. — М., 1999. — С.636.

²¹ **Семенова С.Г.** Преодоление трагедии. — М., 1989. — С.134. См. также: **Захаров В.Н., Щенников Г.К.** Правда художественная // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / Сост. Щенников Г.К., Алексеев А.А.; научн. ред. Щенников Г.К. — Челябинск: Металл, 1992. — (Челябинск. гос. ун-т).

²² **Тареева Наталья.** Концепты правды и истины в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово в тексте, словаре и культуре. Сб. статей. — Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2004.